

Полуденное солнце светило ярко, мягко проникая сквозь оконную бумагу и окутывая все ленивой дремотой.

Обед уже закончился, и многие в это время предавались короткому послеобеденному отдыху. Вокруг царила тишина, и Лю Чунмин любил в такой тишине неспешно перебирать бухгалтерские книги и документы.

С детства он испытывал интерес к подсчету денег и ведению счетов — куда больший, чем к запутанным и грязным интригам. Говорили, что даже на празднике по случаю его первого дня рождения он схватился за счета и серебряные слитки.

Старший брат не раз подшучивал над ним из-за этого.

Но, несмотря на насмешки, брат терпеливо учил его всему, что знал сам. И Лю Чунмин думал, что его жизнь так и пройдет в подсчете денег — до того дня, когда он унаследовал титул шицзы — наследника хоу — вместо старшего брата.

С того года Праздник середины осени стал днем, о котором в их семье больше всего не любили вспоминать.

В этот день его брата привезли домой уже бездыханным.

В горах Динлин орудовали разбойники, но никто не ожидал, что они осмелятся напасть на наследника хоу Аньдина. Брат и десятки сопровождавших его телохранителей — никто не выжил.

Теперь больше не было возможности сердиться на брата за его поддразнивания.

Слова Бай Шияна снова прозвучали у него в ушах, словно гром: «А как же дело твоего брата? Ты просто оставишь его так?»

Он, конечно, не верил, что какие-то разбойники могли осмелиться убить наследника хоу Аньдина, но и представить не мог, кто бы осмелился поднять руку на его брата.

Император тоже отправлял людей на поиски. Они с его отцом лично допрашивали под пытками самых отъявленных негодяев, но безрезультатно.

За четыре года он расширил сеть своих магазинов и тайных залов во всех направлениях, особенно уделяя внимание окрестностям гор Динлин, но так и не нашел ни одной зацепки. Он даже не знал, в каком направлении искать.

Неужели ему придется смириться с тем, что брату просто не повезло наткнуться на разбойников, позарившихся на богатство?

Но даже если он не мог с этим смириться, что еще оставалось? Прошло четыре года — сколько ценных улик могло сохраниться?

Лю Чунмин сжал кисть в руке и надолго задумался, а потом снова терпеливо принялся перелистывать страницы. Это были собранные со всех магазинов сообщения — он должен был схватить даже самый призрачный шанс.

Не успел он просмотреть и несколько отчетов, как вытащил один листок и внимательно его изучил. Это было неожиданно.

У семьи Лю было много торговых дел не только на суше, но и на воде. В это время года на море часто бывали шторма, и он уже почти месяц не получал вестей, даже подумывал отправить людей на разведку.

В письме действительно сообщалось, что все благополучно. Флот Лю, хоть и попал в сильный шторм, благодаря опытным морякам и крепким кораблям благополучно достиг гавани.

Более того, они подобрали на море еще один корабль, и половина людей и груза на нем уцелела.

К письму был приложен реестр, где учитывались не только доходы и расходы этого плавания, но и количество спасенных, их личности, перечень груза и имя хозяина судна.

Пань Хэ...

Лю Чунмин остановил кисть над этим именем.

Он не пошел на государственную службу с одной стороны, потому что не любил придворные интриги, а с другой — потому что не мог решить, в каком именно ведомстве ему стоит начать, чтобы продвинуться в деле брата.

Если бы он ошибется и окажется втянут в клубок интересов, у него не останется времени ни на что другое.

Но, будучи наследником хоу Аньдина, отсутствие на службе не означало, что он мог избежать контактов с этими людьми.

Этот Пань Хэ был одним из приемных сыновей евнуха Юя. Несмотря на такой солидный возраст, обзавестись приемным отцом — вот уж действительно бесстыдство. Но евнух Юй был самым приближенным к императору старшим евнухом.

Некоторые долги вежливости все же приходилось отдавать.

Лю Чунмин усмехнулся и обвел имя Пань Хэ.

Этот евнух Пань недавно стал знаменитостью в столице. Даже во время их совместных пирушек все обсуждали, как Пань Хэ не только получил по лицу гадальной костью от того маленького монстра, но и был пнут в грудь.

Наверное, выражение его лица в тот момент было поистине замечательным.

Ему невольно вспомнился тот юноша, свернувшийся калачиком на земле, его ясные и спокойные, невероятно прекрасные глаза.

Шиян говорил, что ребенок был пугливым — откуда же взялась такая внезапная дерзость?

Неужели он и вправду сошел с ума?

Когда Цюй Чэньчжоу бросил гадальную кость, он знал, что не выживет.

Его руки были связаны за спиной, а петля на шее затягивалась, заставляя его вставать на цыпочки.

Хотя он и получил второй шанс, в этом мире для него осталось мало того, что стоило бы ценить. Он уже увидел Чунмина, и, казалось бы, должен был без страха встретить смерть, но инстинкт выживания снова и снова заставлял его выпрямляться, вырывая у удавки на шее каждый глоток воздуха.

В полубреду ему казалось, что он снова в темнице, закованный в колодки, без конца терпя пытки.

Но Лю Чунмин хотел, чтобы он жил, а Пань Хэ — чтобы он умер.

Ударив евнуха по лицу во второй раз, он и не рассчитывал выжить. Жизнь человека низкого рода — всего лишь чья-то прихоть.

Раньше в его сердце жили и ненависть, и обида. Ненависть к родителям — если уж не хотели его, зачем рожали? Ненависть ко всей несправедливости мира. Но к концу борьбы у него просто не осталось сил.

Одно время он думал, что главное — просто выжить.

Единственное тепло, которое он хранил в памяти, когда-то изо всех сил толкало его вперед, заставляя научиться держать голову высоко. Но когда тот человек исчез, он и вправду стал каменным.

Как и говорили о нем посторонние — холодный, без сердца.

Прожив жизнь полную невзгод, он не боялся ни жизни, ни смерти.

Цюй Чэньчжоу почувствовал, будто вокруг него раскинулась бескрайняя пустота, и почему-то в голове всплыли лишь несколько слов:

«Река Забвения — недоступна».

Неужели он даже Забвения не достоин?

Давным-давно человек, давший ему имя, говорил, что он не принадлежит этому миру — словно звезда, упавшая с небес.

Если так, то зачем он пришел в этот мир?

Петля на шее дернулась резко вверх. Стоявший рядом стражник, словно наигравшись, решил поскорее закончить дело и, раздраженный его предсмертными судорогами, пинком выбил опору из-под ног.

Сквозь шум в ушах он слышал, как толпа зевак подбадривает его поскорее умереть.

Он пошатнулся, кончики пальцев оторвались от земли, и последний глоток воздуха перехватило в горле. Ужасная асфиксия мгновенно заполнила все тело, заставив запрокинуть голову в тщетной попытке вдохнуть.

Будто в предсмертном бреду, он оторвался от собственного тела, ощущая, как плывет в ледяной воде, дрожа от холода, бросаемый то в одну, то в другую сторону, не зная, куда держать путь.

В этом хаосе его тело вдруг приподнялось, словно кто-то вытащил его. Аромат нежного тепла

окутал его, а вокруг разлилось что-то до боли знакомое.

— Кто ты?

Он попытался вырваться из кошмара, но веки не слушались. Он слышал только собственный хриплый шепот:

— Это ты... ты...?

В голосе прорвались сдавленные рыдания, будто тот, кто долго терпел, наконец нашел, кому излить свою боль.

— Чунмин... Чунмин...

Ответа не последовало, и он погрузился в забытие, убаюканный этим знакомым запахом.

Очнулся он ночью, в привычный час отбоя. Снаружи доносились привычные шаги.

Над головой — прогнившая балка, изъеденная крысами. Рваная оконная бумага хлопала на крошечном окошке, отгороженная грязной, давно немойтой занавеской. Одеяло было его собственным, тонким, как лист бумаги.

Поворот на бок заставил старые доски кровати жалобно скрипнуть.

Все, что было — казалось вчерашним сном.

Это была его каморка в башне Цишэн, размером с кровать. В ней находился деревянный сундук с одеждой да утварью. Больше ничего.

За занавеской жили другие такие же, как он, рабы. Каждый со своей историей, своим несчастьем.

Они ютились здесь, в этом грязном бараке западного двора.

Лежа на спине, он слышал, как за несколькими перегородками женщина сквозь слезы прокликает кого-то. И вдруг вспомнил.

Вспомнил, почему, всегда избегавший гаданий, он все-таки погадал для Пань Хэ — на свою погибель.

Чтобы спасти ребенка той женщины, которого должны были продать. Он умолял хозяина, предлагая заработать две тысячи лян за месяц в обмен на то, чтобы не разлучать мать и дитя.

Цюй Чэньчжоу прикрыл глаза тыльной стороной ладони, чувствуя, как кожа быстро становится влажной. Что-то холодное скатилось от уголка глаза на подушку.

Он не спас никого. Даже себя.

Может быть, он слишком долго сдерживался, но теперь он, всегда холодный, как камень, стал таким слабым.

Никто не пришел взглянуть на него, услышав шум. У таких, как они, койка могла освободиться в любой момент — или продадут или умрет.

А взамен придут новые.

Когда сам с трудом выживаешь, какая уж забота о других.

Хотя Цюй Чэньчжоу жил здесь давно, он редко говорил с кем-то, как будто был тенью в этом углу.

Но он знал: каждый раз, когда его полумертвого приносили обратно, начинались споры — выживет ли он? И его проклятая живучесть раз за разом опровергала все ставки.

На этот раз даже он сам не ожидал, что выживет.

Он поднял руку, разглядывая в тусклом свете фиолетовые следы от веревки. На шее — стёртая в кровь петля, горевшая огнем.

Происшедшее с Пань Хэ — не сон.

Кто его спас?

И зачем?

Цюй Чэньчжоу прижал ладонь к носу — тот нежный запах, словно солнце и цветы павловнии, знакомый до слез...

Чунмин?

Но... как?

<http://bllate.org/book/15643/1398428>